

ВАСИЛИЙ БЕТАКИ

С Т И Х И
1990 - 1993

ПАРИЖ 1993

ВАСИЛИЙ БЕТАКИ

С Т И Х И 1990 - 1993

Р И Т М П А Р И Ж 1993

ooo   ooo   ooo

За окном вагона – остаться б на этой поляне,
Задожнувшись гонкой, мостами

– не до гуляний,

Не до костров купальских...

Остаться, остановиться,

И – как песок сквозь пальцы –

Из Времени рукавицей

С руки потерянной, за поленницу завалившись,

Коснись безвременья...

Полой ленью застынут лица.

И ждать погоды.

Но не у моря – ведь море отнято,

А сжать все годы,

Сдавить все горе

в ладони потной,

Не выпуская...

Вот так – синицу.

Не журавля же!

И жизнь словами вся в полстраницы

Спалённо ляжет...

КАНЦОНА

*И возвращаются реки к истокам,
и что было, то будет и впредь.
(Экклезиаст)*

*Раскаленные площади дышат лзтынью,
На горбатые мостики римского дня
Сухо падает небо непрошенной синью,
Рвутся вверх из фонтана четыре коня...
Я вторично вхожу в ту же самую реку –
Нет дурной бесконечности у бытия,
Возвращаются годы как псы к человеку,
Возвращается ветер на круги своя.*

*Меж котов Колизея смешную тревогу
Сеет резкий звонок – сколько ни повтори –
То на Старую Аппиеву дорогу
Через заросли пиний выходит трамвай...
Из молчанья преданий, из тьмы узнаванья,
Из причудливой смеси зверья и людья,
Возвращается строчка к началу посланья,
Возвращается ветер на круги своя.*

*В те же скалы колотится пена прилива.
Этот мраморный стол... Вот уж двадцать веков
На столешницу ставят остийское пиво,
То, которым Катулл угощал моряков...
Нет, не так уж печально у Экклезиаста:
Есть у рек берега, есть у моря края –
Разве так это страшно, что верно и часто
Возвращается ветер на круги своя?*

*И... седая гравюра, возникшая разом –
Тот же дождь вдоль Лебяжьей канавки бредёт,
И темнеет, намокнув, гранитная ваза.
И в тяжелой штриховке не видно пустот.
Отсверкав чешуями в рассвете жестоком,
Под мостами в тяжелых узорах литья,
Возвращаются реки, как прежде, к истокам,
Возвращается ветер на круги своя.*

*Никого ни о чем не спросив,
По заржавленным рельсам в грязи.
По лесам допетровской Руси
На слепых поездах колеси,
На слепых поездах вдоль болот...*

*Кто теперь пожалеет о том,
Что и станцию в грязь засосет,
И Плисецкий пустой космодром?
Этот край опустел, опустел:
Вон просёлок – из жёрдочек плот...
Знать, архангел давно отлетел
От Архангельских мелких болот.*

*На слепых поездах колеси
По лесам безнадёжной страны.
Утонула Россия в грязи
Вся, до самой последней Двины.
На подошвах ту грязь нанесли?
Натоптали за тысячу лет?
Начитались, да всунули в сны
Откровенье, которого нет?*

*Можжевательник – и тот зачах
Над болотцем с мазутной водой.
Где из лужи бездонной торчат
Только лысина да ладонь,
Под откосом – обломки дрезин...*

*По заржавленным рельсам в грязи
На слепых поездах колеси.
Никого. Ни о чем. Не спросив.*

1991

И заплетает гигантская ива
Ветви в трамвайные провода,
И по глазам пешеходов – крапива,
Им открывая проход в никуда.
Брякают ставни, как брошенный щит
И в удушающем мшенье сирени
Люди катаются от мигрени
Там, где татарник в асфальте торчит.
В доме, где солнца годами не видели,
А штукатурка – мокрей и мокрей,
Кем-то забытые чьи-то родители
У заплетенных плющом дверей...

Там, где сгоняют потоки побелок
Лес одичалый, да ливневый душ,
Всё, что настроено, всё, что наделано,
Всё одолеет зеленая глушь!

Есть ли что в мире страшнее сирени
В час, когда перешагнув Рубикон,
Пан –
разгневанной в ветре свирелью –
Свистом трясет шпингалеты окон?!

В сизой, дымящейся утром, сирени
Будет утоплен последний балкон.

Когда всплывает Атлантида –
Всплывают вздутые колонны,
Потрескавшихся стен провалы,
Зияют двери пустотой,
И окна мертвые, чернея,
Жрут водоросли и лилеи,
И плиты набережных склизки,
И выщерблены обелиски
Над застоявшейся водой.

Когда всплывает Атлантида –
Всплывает дымных ростров пламя,
Как мутно-рыжая хламида
Над разметёнными домами,
И пристань в ракушках пустых,
Не видя ни одной галеры
Любви, Надежды или Веры,
Глядит под черные мосты.
Над колченогими столами
Пиров, справлявших век чумы,
Всплывают призраки зимы,
Бренча двуглавыми орлами,
И свет не отделен от тьмы.

А в бахrome из черной тины –
Забывших войн чужие мины,
Как прежде, прячутся на дне,
Чтоб не ушел из Атлантиды
Кораблик по зловонью тины,
Чтоб задохнулся в том огне,
Где корчится, шипит, дымится
Судьбы имперская страница
На высыхающей стене.

Когда всплывает Атлантида –
Волна срывает все плотины,
А их творцов уносит в ад...
Среди всемирного базара
Над головой у Валтазара
Последние Слова горят.
В карнизы врезано их пламя
Там, где свистевший ветер стих,–

Под золотыми куполами
Над грязью бывших мостовых.

ooo   ooo   ooo

*По радуге бледного моста
уходят в небо машины,
А радуга – только в три цвета,
Крутая, как этот мост...
Дорога уходит в небо,
А в небе давно я не был,
Но помню: бретонские сосны
Над облаком. В полный рост.*

Сен-Назер

ОСЕНЬ В НОВОЙ АНГЛИИ

Ты добра не ищи в тишине
За излучиной черной реки,
В неосвоенной странной стране,
Где дрожат города-островки.
Пусть прибой громче боя часов,
Тише смертного мстящий туман
За индейскую душу лесов,
Как за бредберевских марсиан.

Говорил ясновидец Эдгар,
Генри Торо – забытый пророк –
Как всемогущен зеленый пожар,
Как непрочен дощатый мирок,
Как беспорна невнятная власть
Мрачным эхом играющих сов,
Как душа не боится лесов
Только если в лесах родилась...

И поныне туманом грозят
За погибель индейской души
Делавара болотистый ад
И Коннектикут серых вершин,
А в рассвет, до предела сгущен,
Тот туман обернется дождем,
Превратив облетающий клен
В медный призрак с орлиным пером...

ooo

oooo

ooo

Рейн в зеленом ущелье
Плещет о черный камень,
Дымится закат в расщелинах
Над белыми городками,
Прямо перед глазами
На виноградные склоны
Лезут зубчатые замки,
Рыжие, как драконы.
И солнечная корона
Приносит закатный праздник
В тот, на крови дракона
Выросший виноградник.

Пока в погребке на острове
Драконью кровь подают,¹
Над башенкой низкорослой
Куранты минутки куют...

Горы черней в соснах,
Воздух лиловый низко,
Русалки вечером поздно
Катаются на василисках,
А выше, молотом лунным
Карлик монетки чеканит,
И песни о Нибелунгах
Все – у него за щеками...

---

¹ "Драконья кровь" – марка рейнского красного вина.

ooo

ooo

ooo

Натания, Израиль

*В бесконечной семисвечной тоске
Бородатые пророки кричат,
Те же пять этажей, но на песке
Окна пялят на безлюдный причал.*

*Монотонные бетонные дома,
Стены серые, сводящие с ума.
А закат из разрезанной дыни
Истекает, и навстречу ему
Угасающее пламя пустыни
Переходит в лиловую тьму.*

ooo

ooo

ooo

Дощатый разлапистый катер,
Урча над вечерним заливом,
Недвижное время тратит
Болтливо и неторопливо.

И только если случайно
Заглохнет его мотор –
Царственное молчанье
Отяжелит простор,
И как мираж качаясь,
Воздух сгустив едва,
Там за косою песчаной
Забывшие кем-то слова
Опять прорастут из молчанья,
Как из песка трава.
Повторяясь, их шорох невнятен
За давностью голосов –
Словно шуршит на закате
Стекло песочных часов...

А катер? Ну, хоть бы и катер,
Если готов...

А ты представь себе, что вот вчера,
Не задохнувшись ни на миг от бега,
В незапертые двери со двора
Ввалюсь я, не очистив лыж от снега,
Что время обратимое – не бред,
И неизвестно, будут или были
Те годы, что засыпав белый след,
Мне целый мир однажды подарили –

И горизонта тесная петля
Не расползлась, а лопнула мгновенно:
Снежком и Штраусом мелькнула Вена
И вдоль дорог помчались тополя...

.....
А клёны превращаются в платаны,
Порастеряв кору коротких лет –
В белоколонный лондонский рассвет
Легко вплывут парижские каштаны,
В лиловой дымке флорентийских гор
Кирпичный Амстердам возникнет разом,
А блики на аркадах Амбуаза
Развеселят пустынный Эльсинор...

Представь себе, что время – это дом,
Где "завтра" и "вчера" живут не ссорясь,
Где даже ненаписанную повесть
Прочтешь уже с началом и концом,
Что снежный вечер был в начале дня
И стоит только оттолкнуться резче,
Как тут же самому себе навстречу
Направит та же самая лыжня.

ooo   ooo   ooo

Ну вот мы и дома –
В Венеции нашей сырой,
От римского солнца
Ныряем в душевный покой.
Не там,
Где оркестры
Да фрески в толпе голубей,
А в темных
И тесных
Проулках, где ветер грубей.

У Рыбного
Рынка,
Где серый гранит в чешуях,
Мелькнет серебринка
В ленивых волнах – не волнах...
У столбиков
Пёстрых,
Где зыбью – то вверх, то вниз –
Гондолы,
Как сестры,
Посплетничать собрались.

Там, где гулки узкие кварталы,
 Там, где даже в полдень – полутьма,
 И над переулками каналов
 Охрою бордового дома,
 Где открыты лавочки пустые,
 И коты блестят от тишины,
 Только из ближайшей пиццерии
 Голоса людей еще слышны –
 В этой тесноте, сырой и тленной,
 Ночью – словно жабрами дышал...

Нужно было тут же, непременно
 Выйти, выйти на Большой Канал,
 Где тяжелых волн бескрылый танец
 Беспокоит утренний туман,
 И единственный венецианец –
 В черной треуголке Шагинян...
 Черные гондолы, выгнув спины,
 Пляшут на волнах небывших рек.
 Окна – отражения дельфинов.
 Тех, что тут не плавали вовек!

Крытый мост Риальто – узкий терем –
 Напружинил тяжкую дугу,
 В ней остаток облачка потерян
 И рассветом сыплет на бегу.
 Рваного тумана укоризна
 Не смутит промозглую судьбу...

Только брызги, северные брызги
 Долетают к львиному столбу.

ooo   ooo   ooo

Узорный византийский храм
Над католической лагуной...
Выпрыгивают ночью лунной
Витражи из свинцовых рам.
А рядом, окон лишена, –
Для штукатурки нет парада! –
Дворца тяжелая стена
Вот-вот расплющит колоннаду!

Венеция! За что вот так
Хватаешь сыростью осенней?
В безлистом, буром облысенье
С окошек облупился лак...
Жестянки ставенек буланных,
Пятиэтажье рыжих стен,
И не видать зевак совсем;
Ступеньки мостиков карманных...

И ветер, из-под них трубя,
Вдруг объяснит, что строчек хаос
Не выстроить в стихи никак,
Пока, бездомней всех собак,
Вконец иззябнув, не расскажусь,
Что здесь бродил я без тебя...

ooo   ooo   ooo

Продаются лукавые маски.
А листвы в этом городе мало.
Сыплет ветер аккорды неясной
Мандолины с Большого Канала.

Легкий вечер. Тонкие струны.
Холодней дыханье асфальта.
Крики чаек слышны от лагуны.
Толчая на базарной Риальто.
Расшумелись в каменной раме
Волны, взбитые катерами.

Не хочу их пенного гула –
Наугад сверну в переулок,
В ту стесненную стенами высь,
Где двум лодочкам не разойтись.

В темных лавочках прячутся сказки.
Только этих сказок концы –
В воду...

И никакой огласки...

Продаются лукавые маски
И лукаво молчат продавцы.

ooo

ooo

ooo

От всхлипов старинного джаза
В кафе у Сорбоннской капеллы
Решетка сада – как ваза –
Отражая гудки, запела.
Липы, дубы и вязы –
Вместе всё облетело,
И постарело разом
Статуй мокрое тело.

Беспечные лица женщин
С тенями и светом медным –
Вечерний лик Сен-Мишеля –
Сменяется незаметно
Свечением сумасшедшим:
Стечение фар машинных,
Сияющие карнизы
Окон, подсвеченных снизу...
В смешенье зимы и лета,
В смещении тьмы и света –
Сгущенье мошених камнем
На мокром пятен рекламных,
Отраженных в дожде недавнем,
Возвращенных стеклам и ставням,
Фонарям в напряженные дуги,
И нам, отраженным друг в друге, –
Чтоб стряхнув световые перья,
Вдруг найти за стеклянной дверью
Тишину, что укрыться успела
В кафе у Сорбоннской капеллы...

ooo

ooo

ooo

...На Эспланаде

День морозный и пустой.

И позолоты припорошенная ложь

Твердит, что купол Инвалидов не похож

На Исаакиевский купол золотой.

Три фонаря, три фонаря – такой уж мост...

И повторенье их напомнит наконец,

Что за три тысячи остеклянелых верст

Есть у него – чуть подлиннее – мост-близнец.

Те два моста – они похожи неспроста,

А фонари – их силуэт слегка кривой.

И врут тройные фонари на двух мостах,

О том, что Сена перемешана с Невой,

Что не в Париже, не сегодня, не вчера,

Что где-то в прошлом, что когда-то на Восток...

Всё перепутано, как темный сон с утра.

Всё перепрятано, как боль руки в висок.

Всё перемотано, как хаос проводов,

Как телефонов неживые голоса,

Когда короткий для чего-то врет гудок.

Загнав спрессованную вечность в полчаса –

А в ней никак не досказать, не домолчать.

Не допонять и не додумать, и недо...

Пустая трубка сообщает верхним "до"

О том, что линия загружена опять...

Гудки ритмичны –

как тройки фонарей,

Гудки привычны, как машины на мостах,

И безразличны, как безлиствие аллей

На Эспланаде...

ooo   ooo   ooo

Тяжелый юг. Тяжелое вино.
И терпкое, как плющ на белых стенах,
Что оплетает узкое окно,
Где черные решетки неизменны...

Взгляд с улицы на узкое окно –
И стеклов нет, но всё внутри черно.

Вот так же в кружку глиняную глянешь,
В ней цвет вина вовек не различить –
Пить наугад, или совсем не пить?
Пока со света в темноту устанешь
Глядеть в чужое узкое окно:
Кто в комнате? Увидеть не дано.

В тяжелый полдень медного чекана
На берег ветер скатится густой –
Он не остудит йодистый настой,
И пальцами не шевельнут платаны,
Не прояснится черное окно;

Тяжелый юг, тяжелое вино...

ooo   ooo   ooo

*Ты сегодня не увидишь ничего
Кроме скучного и серого тумана,
Чуть соленого и сонного тумана –
И какое тебе дело до него?*

*Да пускай себе туманом душит лето
Всех витрин и всех проспектов дребедень –
Эти кружки с пивом солнечного цвета
Затуманены морозцем в душный день...*

*И пускай себе подмокшая листва
Жаркой сыростью шуршит над головами –
Говорю одними главными словами,
(Если есть на свете главные слова!)*

*Вот старинные, зеленые глаза.
Их платановые листья оттеняют...
Но счастливые стихов не сочиняют.
И пора бы мне замолкнуть, да нельзя...*

ПЕСЕНКА

Довези до Парижа
Этих ракушек пустяк:
Приглушённые прежде –
Возле уха шелестят,
И виденьем прозрачным
Вдруг проступят на стене
Две соломинки-мачты,
Заточённые в окне...

Довези до Парижа
Привкус моря на локтях –
Волны снова оближут,
В камни пеной колотя,
И в бутылке зеленой
Повернутся на столе
Виноградные склоны.
Заточённые в стекле,
Лигурийские скалы –
Привкус неба на душе.
Притворись, что искала
То, что найдено уже...

1 9 4 4

Мне четырнадцать. Юг жжется.
Пляж на той стороне Дона.
В пёстрых тряпках песок желтый
И акации в небе тонут.

Снова переплывешь в город,
Кое-как привязав "фифан"¹,
И ползет тебе за ворот
Разговор из распахнутых окон.

Под каштаны проспектов вечерних
Редко выйдет какой мужчина,
Иногда промелькнет машина
И в машине погон чей-то...

А вечерний асфальт – жаркий,
И мороженого на углах нет,
А любая прохожая пахнет
Резедой в городском парке.

Цвет заката – терпкий, горчичный,
И тревогу сравнить не с чем...
Засыпают под утро мальчишки,
Обхватив животы женщины.

---

¹ фифан - лдунося лолка.

ooo   ooo   ooo

*И расплзались от самолетов по небу шрамы,
Потом сочились не заживая, текли в закате,
А ночь по-заячьи на поворотах неслась скачками,
Боясь созвездия Пса, что вот-вот её ухватит.*

*И нет спокойствия ни природе, ни человеку,
И автострада играет желтыми фонарями,
Бензоколонка беззвучно валится ночью в реку,
С портретом вышитого на шелке грифона в раме.*

*Бодают фары в зените тучку, на мост взлетая,
И убегают пунктиры алые вдоль дороги,
А там их сглатывает холма горбатого дуга крутая,
Не избавляя ночь ни от света, ни от тревоги.*

*И непонятно, куда деваться бездомной ночи
От той железной, от той парадной, от той нездешней,
Пока под утро истошным криком далекий кочет...
Но не прогнать ему свет, ревуший из тьмы крошечной*

ooo ooo ooo

*...И всё сидят, дымят в кафе студенты
И говорят на разных языках.
Официант протиснулся вдоль стенки
С подносом переполненным в руках,
Там громоздятся чашки Вавилоном...
Кафе шумит.*

*Нет, тут определено
Нет из моих знакомых никого:
Меня видали в обществе Вийона,
И в обществе Катулла до того,
А в Петербурге...*

*Но помилуй Боже,
В какой коктейль смешал Ты времена!
Кафе, таверна и кабак похожи,
И безразличны столик и страна,
И разницу между "тогда" и "ныне"
Не объяснить – слов подходящих нет...
Вот Вавилон – руина на руине,
А мне всё те же девятнадцать лет.
Не убраны осколки Вавилона?
Да мзла ль битых чашек на столах!*

*.....
Сидят и давят ложечкой лимоны
И говорят на разных языках.*

БЕЛЫЕ СТИХИ НА ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ

Ну вот – мы доросли до Ренессанса!
У нас почти четырнадцатый век:
В Москве не знают, чем живет Рязань,
Псков с Новгородом спорят о границах,
И где-то там друг друга осаждают
Отдельные удельные князьки,
А Питера – еще или уже? –
В Европе нет: заделано фанерой
Окно за неимением стекла...
Эразм в газетах... Мысли по ухабам
Ползут то к Бэкону, то к Леонардо,
И отравителей вполне хватает
Не во дворцах – так на любом базаре...

Мы вправду доросли до Ренессанса.
Лишь барахолки около метро
Напоминают о двадцатом веке,
Да песенки Патриции Каас
Зачем-то на проспекте Metallистов.

Два цвета города: стих – белый-белый
На фоне грязной охры стен. За ними
Полно художников... Да, несомненно
Мы доросли уже до Ренессанса:
Бокаччио – Довлатов заменил,
Петраркою Коржавина назначим,
А Солженицын круг восьмой увидит...
Вот только где сыскать Макиавелли,
Который мог бы...?

ooo   ooo   ooo

*Наступает на тени дворцов топот сумерек серых,
И вода неминуемой тенью глотает закат,
Словно слизывая с переулков и ветреных скверов,
Где последние пятна еще на деревьях дрожат.*

*Их не стоит ловить – и пускай покрываются синью,
Из которой ни люди, ни сфинксы не выловят слов!
...И упала звезда. И звезда называлась Полынью,
И полынную горечью веяло вдоль берегов.*

*И никто не заметил, когда изменились стихии,
Словно звуки рояля, который накрыли тряпьем,
Серебро почернело, как чернеют окошки пустые,
И смешалось с тяжелой водой то, что было вином.*

*И совсем не листва – разложенья подсохшая пена
Засыпала булыжник, звеня на трамвайных путях,
Пианист сумасшедший играл кулаками Шопена,
И аккорды его ударяли в гранитный костяк.*

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

*...И тогда затянуло узором окно –
А ведь было оно на всю гору одно!
И кругом никого,
И лесам нет конца –
Так не думать бы, не поднимая лица,
Ни о льдинках,
Звонящих в ручье и во сне,
Ни о той, не проложенной в чаше лыжне,
До высоких боров, сквозь осинную гниль...
За окном завивается снежная пыль,
И в бесцельном полёте отяжелев,
Оседает,
От ветра отстав,
На стекле.*

*Выйти?
Или поспать до начала пути,
Как*

*бесцельную кладь
В никуда донести?..*

*Но лыжня отсырела, рюкзак – дырявый,
И лениво*

*Белесый замирает узор
на стекле:*

*Узких пальмовых листьев – корявый,
И широких бананных...*

И это – резон

Не в осинках, а в льдинках

Слышать смутную весть,

И в узоре на стеклах

Предсказанье прочесть.

.....

А под пальмой на столике

Ледяной лимонад,

И у теплого озера

Ребятишки кричат.

Ты на солнце прищурилась издалека,

Опираясь на локоть,
Ладонь у виска...
Неназойливый,
Но бесконечно твердящий прибор:
Ну и чорт с ней, с намокшей лыжней,
Ну и чорт с ним, с тогдашним тобой!..
За спиной – ванты яхт,
Листья пялит банан,
Сухо, жарко. И ветер.
И потеет стакан.

Но о солнечных пятнах,
О льдинках, звенящих в стакане,
Рассказал мне мороз на стекле,
Там,
    в начале пути,
Чтоб бесцельную кладь,
Ту бездельную кладь
Вот сюда донести
Через сонные,
В сосны вплетенные
Блики в тумане.

ooo ooo ooo

Под пальмами не было ни души.

*Уткнувшись в набережную косо,
Засыпали стада понурых машин –
Весь мир заполняли дремой колеса.
Дома притворялись, как будто спят,
На окнах белые шторы смыкались,
Пытался не утонуть закат,
А в его душе волноломы копались.*

*Пенный ветер шуршал
Неизвестно о чём,
И по скалам бренчал
Звонкий луч за лучом...*

*Ловить эти звуки.
Терять их опять.
В судьбе копать, и не раскопать.
И долго потом перебирать в темноте
Бренчащие слова –
те, или не те?*

*Но не подберешь,
Как ни шарь по земле,
Луч, звеневший, как грош
На гранитной скале...*

ooo   ooo   ooo

*На берег выйти можно:
Скалы тропу разжали.*

*Наверное, сходство ложно
С крымскими миражами,
Где белый ком тополиный
Ветром по склону таскало.*

*Над блеском слепого отлива
Солнце и черные скалы.*

*Бледно цветет вереск,
А в каменистых грядках
Басом ревет ветер,
Путаясь в темных прядях
Водорослей лиловых...*

*Что это вдруг тихо?
Солью прибоя снова
Скалам в ночи тикать.*

*В море текут речки
И не переполняют,
Снова к истокам прежним
Кто-то их угоняет.
Не говори о прошлом,
Будто бы лучше было –
Память в салат накрошит
Всё, чего не хватило,
Разве плетень – защита
Стаду перед волками?
Смех дураков трещит, как
Хворост под котелками...*

Впрочем, о чём, зачем я?
Снова отлив – глянец.
Солнце. Бретань. Кочевье.
Всюду быть иностранцем.
Когда-то ты был где-то...
Молчит, остывая, чайник –
Песня его спета.
Похоже, это – прощанье
С тем, чего больше нету,
И нет до него дела,
Здесь, на краю света,
Здесь, на песке белом...

ooo

ooo

ooo

Шарманщик стоит на углу у Мадлен,
Хриплые вальсы крутит
В калейдоскопе окон и стен
И голых платановых прутьев.
Сидит на шарманке дымчатый кот,
Рыжая такса зевает и ждет...
Тяжелый, старинный, сверкающий вальс
Крутится над головой –
Он – не для нас и не для вас...
Постой, постой, постой...

Желтым высвечен Эйфель – он косится вдаль,
И соломенным кружевом кажется сталь,
Над мостами – пунктирные дуги огней,
Под мостами – кружащийся отсвет теней,
И тяжелый, как Сена, сверкающий вальс
Раскрутился над головой –
И пускай не про нас, и пускай не про вас –
Постой, постой, постой!

"НО ПАРИЖ, НО ПАРИЖ..."

– под шарманку

кружишь,
Отраженный жонглирует свет,
И мелькают, вращаясь колонны Мадлен
В ярком калейдоскопе и окон и стен –
Где же лучше?

Или там, где нас нет?

Но – старинный, тяжелый, сверкающий вальс,
Но – шарманщик,

хоть он – не про нас, не про вас,

Но – вращаются над головой
И огни, и мосты, и река, и коты –
Постой, постой, постой...

Я – ни о чём. Я – о словах,
 Забитых в строчки, рифмой скованных:
 Я их нашел, я их сорвал,
 Еще неспелые, условные
 Как тот зеленый абрикос,
 Который терпко вяжет щеки,
 Так что лицо – наперекос
 И дыбом волосы, как щетка.

Я их нашел – и для чего?
 Чтобы как бабочку со шторы, и
 К листу бумаги...

Перечёл –
 Увидел: разбежались в стороны!
 Их рифма хочет в стадо сбить,
 Она, как пёс лохматый, лая
 Не даст им ни пасть, ни пить:
 Ей только всех бы торопить,
 Всё время отгонять от края!

По тропкам строк бегут слова
 За первым – глупым, круторогим,
 Которое едва-едва
 Не сбилось в сторону с дороги.
 Фонарик тоненьким лучом
 Его мне высветит...

А дальше –
 Всё стадо. Топот. Отзвук фальши...

Я – о словах, я – ни о чём.

Десяток мостов теснится
Друг другом полузаслонённых,
Чайки, голодные птицы
Летают над Сеной сонно,

За мостами едва намечен
Закат, как долька лимона,
Жемчужный парижский вечер
Скатывается с Пантеона.
Так скатываются мгновенья –
Остановить?

Исчислить?

Но растворяются в Сене
Почти бессвязные мысли:

Мгновенья...

Любовь...

Не просто
Заката лизнуть дольку...
Еще тревожнее долго
Смотреть с высокого моста,
Смотреть – и не проворонить...
И рифму найти ... к Вероне!

.....
Река изгибает плавно
Гранитные парапеты.
Вон там, за рынком, направо,
Квадратный дворик Джульетты
Листья инжира –

лета

Ласковые ладони,
Шепчутся до рассвета
Ветер с плющом на балконе.

*А под вечер ветер пляшет,
Качая деревья купы,
В цирке, в гранитной чаше,
Как в перевернутом куполе.*

*Вот уж сколько столетий
Тут поединков нету –
Сам с собой сражается ветер
На ступенях тени и света.
Все так же игры смертельны,
Лишь голодной вороны,
И громче орут от безделья
На мостовых Вероны.
И шпаги давно отгремели,
И фонтаны те отзвучали,
А любовь всё так же смертельна,
Как в самом своем начале.*

*И даже в присутствии Бога,
Там, на холмах зелёных,
Все так же смертельна дорога
В Мантую из Вероны...*

ooo   ooo   ooo

Помпея

*Шуршанье ящерок по солнечным камням,
И плющ, как плащ, под сонным ветром чуть упрям.*

*В осколках солнца мозаичные полы,
В пилястрах розовых зеленовата тень,
И через трещины классических затей
Шалфей пробился и лаванда и полынь...*

*Сметает ветер листья с мраморных собак,
Раздует каменные складки белых тог,
Какой-то надцатый, а всё же римский бог
Вдруг подойдет и спросит, что мне здесь не так.*

*На фресках люди все чужие... Только тут
И с ними можно пообщаться тишиной,
Хотя они, всего вернее, не поймут,
Что не Империя за белою стеной –
Живые травы между мраморных лачуг,
Полусухой чертополох у входа в храм...*

*И только море не меняется ничуть,
И виноградники лопочут по утрам
Как при Антонии.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>За окном вагона – остаться б на этой поляне...</i>	3
<i>Канцона</i>	4
<i>Никого ни о чем не спросив...</i>	6
<i>Позарастали стежки-дорожки...</i>	7
<i>Когда всплывает Атлантида...</i>	9
<i>По радуге бледного моста...</i>	11
<i>Осень в Новой Англии</i>	12
<i>Рейн в зеленом ущелье...</i>	13
<i>В бесконечной семисвечной тоске...</i>	14
<i>Дощатый разлапистый катер...</i>	15
<i>А ты представь себе, что вот вчера...</i>	16
<i>Ну вот мы и дома...</i>	17
<i>Там, где гулки узкие кварталы...</i>	18
<i>Узорный византийский храм...</i>	19
<i>Продаются лукавые маски...</i>	20
<i>От всхлипов старинного джаза...</i>	21
<i>...На Эспланаде...</i>	22
<i>Тяжелый юг. Тяжелое вино...</i>	23
<i>Ты сегодня не увидишь ничего...</i>	24
<i>Песенка</i>	25
<i>1944</i>	26
<i>И расползались от самолетов по небу шрамы...</i>	27
<i>...И всё сидят, дымят в кафе студенты...</i>	28
<i>Белые стихи на черный день</i>	29
<i>Наступает на тени дворцов топот сумерек серых...</i>	30
<i>Сорок лет спустя</i>	31
<i>Под пальмами не было ни души...</i>	33
<i>На берег выйти можно...</i>	34
<i>Шарманщик стоит на углу у Мэдлен...</i>	36
<i>Я – ни о чём. Я – о словах...</i>	37
<i>Десяток мостов теснится...</i>	38
<i>Шуршанье ящерок по солнечным камням...</i>	40